

робіць маўленне больш ветлівым, лагодным і спрыяльным для дасягнення асноўнай функцыі маўленчага этыкету – устанавіць кантакт паміж суразмоўцамі.

Літаратура

1. Байбурын, А.К. У истоков этикета / А.К.Байбурын, А.Л.Топорков. – Л.: Наука, 1990. – 165 с.
2. Земская, Е.А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения / Е.А.Земская. – М.: Русский язык, 1979. – 239 с.
3. Старавойтава, Н.П. Гісторыя і сучаснасць беларускага слоўнага этыкету / Н.П.Старавойтава // Роднае слова. – 2006. – № 6. – С. 39–42.

Т.Г.Трофимович (Минск, БГПУ)

АКТОВЫЕ КНИГИ ГОРОДСКИХ МАГИСТРАТОВ СРЕДИ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА

В истории белорусского литературного языка язык старобелорусской деловой письменности сыграл очень важную роль, став средством письменного общения, тесно связанным с народной речевой стихией. По сути, именно в деловом старобелорусском языке проходил отбор наиболее жизнеспособных языковых средств национального характера [1, с. 18].

Актовые книги – это особый вид документов, представляющих собой специальные книги, которые велись в судах ВКЛ в XVI–XVIII веках. В практику правовых отношений они были введены Статутом 1529 года (р.6, арт.3). Все записи в таких книгах осуществлялись по очереди, по мере поступления дел в суд. Статутом 1588 года был конкретизирован и детально оговорен характер ведения записей. В зависимости от вида судов актовые книги могли быть городскими (замковыми), земскими, трибунальскими, подкоморскими и др. Свое место среди них занимали и актовые книги городских магистратов или магистратские [2, с. 458].

Актовые книги городских магистратов дошли до нас в большом количестве. Сегодня, по свидетельству историков, в Национальном историческом архиве Беларуси хранятся актовые книги 33 населенных пунктов до 1795 года, всего 572 единицы хранения на 147 465 листах. К эпохе существования ВКЛ относится 5 книг могилевского магистрата, 51 книга различных других белорусских городов. В Национальном историческом архиве Беларуси в 1999 году была основана серия «Беларусь у актавых кнігах XVI – XVIII стст.», два первых выпуска которой посвящены могилевскому магистрату. Особое место в актовом наследии занимают актовые книги полоцкого магистрата, которые по количеству уступают лишь актовым книгам могилевского магистрата. Недавно в широкий научный оборот была введена актовая книга полоцкого магистрата 1650 года, подготовленная к изданию М.Ю.Гордеевым (Минск, 2006).

Попытаемся на примере уже упоминавшейся «Актовой книги полоцкого магистрата 1650 года» (далее АКПМ) и других актовых книг сформулировать основные проблемы, указать возможные направления изучения их языковых особенностей, оценить актовые книги как источники по истории языков ВКЛ.

АКПМ и ее язык представляет несомненный интерес для изучения языковой ситуации в ВКЛ позднего периода. Общеизвестные и общепринятые выводы о функционировании

старобелорусского, старопольского (польского) и латинского языков могут и должны быть скорректированы. Есть основания считать, что на пограничных территориях складывалась особая языковая ситуация. Границы с Московской Русью в районе Полоцка были подвижны, часто менялись, наблюдалась, по свидетельствам историков, миграция населения. Все это создавало условия для проникновения в старобелорусский язык старорусских черт, формирования специфической территориальной разновидности старобелорусского языка.

Известно, что проблема существования особого языкового смоленско-полоцкого ареала в историческом языкознании вставала. Ей посвящена работа А.И.Соболевского «Смоленско-полоцкий говор в XIII – XIV вв.» (1886) [3]. Если согласиться с выдающимся исследователем и признать существование в древнерусскую эпоху такого говора, то что стало с ним в эпоху отдельного существования восточнославянских языков?

Специфика содержания актовых книг вообще и АКПМ в частности предполагает широкую фиксацию имен собственных. Записи, представлявшие собой документы разного рода, предназначались для конкретных людей, регулировали имущественные и правовые отношения между ними. Как известно, в XVII веке еще не существовало юридически закрепленных форм имен собственных. Старобелорусский антропонимикон к этому времени в качестве константы приобрел обусловленный в основном религиозной традицией состав имен. Фамилии же и отчества как средства идентификации лиц находились в стадии становления [4].

В актовых записях мы находим различные по своему составу средства именования людей: двучленные (имя + фамилия / прозвище), трехчленные (имя + отчество + фамилия), многочленные, модель которых определяется с трудом. Так, вполне современно выглядят такие образования, как *Агапонович Татьяна Яновна (92)*, *Ходыка Артем Микулч (30)*, *Коновал Данило Амбросович(38)*, *Костюкович Федор (4)*, *Храп Максим (66)*, *Клюй Михаил (66)*, *Блыха Стефан (66)* и др. Однако в актовых записях полоцкого магистрата 1650 года находим и такие антропонимические конструкции: *Кособуцкая Полонья Ивановна Наплошанка (74)*, *Маруша Гаврыловна Васюковичовна (102)*, *Люба Андреева Григорьевна Ахремовичова Царова (176)*, *Щасновичовая Мартиновская Марья Стрелковна (96)*, *Евдокия Мелешковна Дорофеевоя Ахрамеевичовая (65)*, *Шпакович Авдопя Грыгорьевна Становчанка (229)* и др. В одной из актовых книг могилевского магистрата (далее АКММ) упоминается пани *Гелена Андреевна Пораднянка Яновая Туковичовая, мещанка государская Могилевская Станиславовая Тиборовская Ганна Курпиевна* и т.д.

Актовые записи позволят провести наблюдения над закономерностями возникновения таких многочисленных антропонимических конструкций, особенностями их функционирования и эволюции. Однако этим «антропонимическая» ценность анализируемых памятников письменности не исчерпывается.

Уже отмечалось, что сохранилось большое количество актовых книг городских магистратов, они датированы, доподлинно известно место их возникновения. Все это в сочетании с высокой насыщенностью актовых записей антропонимами создает прекрасные условия для выяснения особенностей состава антропонимов различных белорусских территорий, получения выводов о характере старобелорусского

антропонимикона вообще, о закономерностях и направлениях его эволюции, о происхождении и миграции различных фамилий и т.д. Следовательно, актывые книги являются ценными источниками по изучению старобелорусской антропонимики.

В актывых книгах городских магистратов широкое отражение нашли топонимические наименования. При этом важно принять во внимание, что только в них содержится региональное топонимическое богатство, которое должно быть выявлено и изучено. Такие актывые записи, как инвентари недвижимого имущества, подробно описывали место расположения селений, деревень, принадлежавшие тому или иному физическому или юридическому лицу, указывали при этом не только их названия, но и названия близлежащих рек, озер, лесов и т.п. Характер актывых записей, равно как и порядок оформления имущества в магистратах, обеспечили уникальную по полноте фиксацию географических названий разного рода.

Актывые книги городских магистратов имеют существенное значение для изучения системы номинативных средств старобелорусского языка. Особенно ценными они могут стать в изучении *названий документов, строений, имущества, лиц по профессии и роду занятий*. Так, например, в АКПМ и АКММ (Актывые книги могилевского магистрата) [5] находим славянские по происхождению однословные названия документов (*пръзънне, справа, пръсега, листъ, парука, позволение, рукоемство, запис, оповедане, сознане, подтвержене* и др.), а также заимствованные, скорее всего, через польский из латинского: *протестация, актикация, декрет, инътромисия, квит, вексель* и др. По понятным причинам в актывых записях много наименований лиц по роду занятий: *балтушник, барышник, болдыш, будовничий, гершть, дейца, дяляторъ, дозорца, злотникъ, кравецъ, резникъ, челядникъ, цырульникъ* и др.

Среди актывых записей есть инвентари недвижимого имущества, которые в большом количестве содержат однословные и неоднословные названия различных строений и помещений. Так, например, в инвентаре недвижимого имущества полоцкой архиепископии находим: *кухня, свирень, броваръ, пивница, пекарня, клетъ, сырница, пунька, истобка, стайня, токовня* и др.

Язык актывых книг отражает и такую характерную особенность системы номинативных средств делового языка, как «серийные» выражения (Л.Я.Костючук). Это неоднословные субстантивно-атрибутивные словосочетания устойчивого типа. Например, в одной из АКММ обнаруживаем: *сукно блакитное, сукно брунатное, сукно влоское зеленое, сукно люнское, сукно московское рыжевское, сукно рославское, сукно синегорское, сукно чешское, сукно чирвоное* или *шуба дхоровая, шуба беличья, шуба кроликовая, шуба лисья, шуба медвежья* и др. Серийными могут быть и наименования документов: *листъ волный, листъ възнанный, листъ добровольный, листъ еднальный, листъ корлевский, листъ купчий, листъ оттвористый, листъ продажный, листъ судовый* и т.д.

Исследование универбальных и бивербальных средств наименования, отраженных в актывых книгах, интересно, как нам представляется, прежде всего, с ономаσιологических позиций, поскольку именно этот ракурс анализа позволяет выявить приоритетные понятийные категории, подвергающиеся актуализации в процессах номинативной деривации [6].

Нами уже отмечалось своеобразие системы предметной номинации делового языка, состоящее в существовании разветвленной системы субстантивно-атрибутивных бивербов. Их «серийный» характер и высокая значимость в номинативных процессах привели к тому, что такие единицы пытаются зафиксировать в исторических словарях. Однако их точное количество с трудом поддается определению, поэтому словарные статьи содержат перечни, заканчивающиеся сокращениями «и др.», «и под.» или «и т.п.». Не обратить внимания на эти единицы невозможно, как и невозможно все их лексикографически учесть. Присутствие у таких наименований черт устойчивых единиц укрепляет их номинативный статус. Такие неоднословные наименования являются ценным материалом для изучения способов экспликации предметно-познавательной деятельности человека, дискретизации окружающей действительности, актов вторичной неавтономной номинации, приемов использования в них комбинаторной техники. Старобелорусский деловой язык – возможность последовательно проанализировать субстантивно-атрибутивные словосочетания, выявить их ономаσιологические свойства, проследить характер отношений между универбами и бивербами в системе номинативной деривации.

Особенности системы предметной номинации, отразившейся в языке правовой письменности, позволяют провести изучение того, как в пределах этой системы взаимодействуют слово и словосочетание. Двухсловные наименования субстантивно-атрибутивного типа называли, применительно к старорусскому деловому языку, в основном документы (около 20% от общего количества), людей (около 20%), места (около 15%), пошлины (около 15%) и некоторые другие предметы. Достаточно определенно вырисовывается круг базовых имен, т.е. тех слов, на основе которых чаще всего возникали субстантивно-атрибутивные бивербы. Старобелорусский материал в этом смысле изучен недостаточно.

Предпринятый нами обзор формулирует лишь некоторые проблемы лингвистического исследования актывых книг. Ясно одно: актывые книги городских магистратов являются ценными источниками по изучению, прежде всего, старобелорусского языка, в истории которого деловая письменность сыграла важную роль.

Литература

1. Журавский, А.И. О канцелярском языке Великого княжества Литовского / А.И.Журавский // Ежегодник истории Литвы. Год 1983. – Вильнюс, 1984.
2. Вялікае княства Літоўскае: энцыклапедыя. – Мінск, 2005. – Т. 1.
3. Соболевский, А.И. Смоленско-полоцкий говор в XIII–XIV вв. / А.И.Соболевский // Русский филологический вестник. – Варшава, 1886. – Т. XV, № 1.
4. Магілёўскі маістрат. – Мінск, 2006. – В. 1.
5. Ляшкewіч, В.М. Антрапаніменная сістэма Віцебска і Магілёва XVI–XVIII стст. / В.М.Ляшкewіч. – Мінск, 2004.
6. Трофимович, Т.Г. Типы предметных наименований в языке старорусской деловой письменности / Т.Г.Трофимович. – Минск, 2003.